

Георг Форстер
ПОЛИТИЧЕСКИЕ Речи

Речь перед ПОСАДКОЙ ДЕРЕВА СВОБОДЫ в МАЙНЦЕ

Произнесена 13 января 1793 года

Граждане!

Уполномоченные Французской республики, законодатели, воины, администраторы! Вы откликнулись на наши просьбы, чтобы вместе с нами отпраздновать великий акт свободы.

Граждане законодатели! Вы будете свидетелями того, какое употребление мы сделаем из тех прав человечества, которые мы вновь обрели после поражения наших тиранов и для провозглашения которых перед обитателями здешних мест вы явились. Свободные мужи! Вы можете судить о том, достойны ли эти люди быть причисленными к вашим братьям, проникнуты ли они чистым и стойким воодушевлением, пренебрегающим всеми частными интересами и следующим только побуждениям общего интереса. Вы увидите, как они будут тесниться вокруг вас, эти мужи Германии, познавшие те неоценимые благодеяния, которые вы принесли им от имени великодушной и победоносной нации. Вы дадите им перед всей Францией свидетельство о том неугасимом пламени истинного патриотизма, которое является, как они верят и как это есть в действительности, единственным выражением благодарности, какое хотели бы принять французы, освободители народов.

Граждане бойцы! Защитники нежно любимого отечества, которое объединившиеся тираны противозаконно втянули в войну, чьи границы после их подлого и позорного бегства вы расширили, чтобы принять в них все соседние народы, вздыхающие об освобождении из давнишнего рабства! Мужественные республиканские войска, предводительствуемые победителем Майнца, старым солдатом, чье самое дорогое имя - имя вашего брата, ведущего вас, в силу законного доверия, которое вы оказываете его способностям, заслуженного по праву своп» усердием в укреплении общего дела, - наслаждайтесь ныне вашим деянием! Взгляните, как эти люди, чьи цепи вы разорвали, снова начинают пользоваться своими силами, взгляните, как эти люди, еще недавно согбенны под ярмом ужаснейшего деспотизма, твердым шагом направились к той же цели, которой их французские братья достигли первыми. Взгляните, как они превращаются в граждан, овладевают неоспоримыми правами человеческой природы и, наконец, провозглашают неограниченный суверенитет, чтобы никогда больше не уступать его Я повторяю: наслаждайтесь вашим деянием, пусть трогательное зрелище всеобщего веселья и радости мирною и довольствующегося малым народа дойдет до вашею сердца и побудит вас открыть жителям Майнца траншем. Если кровь свободных людей уже текла в избытке, чтобы защитить эти стены от нападений вероломного и мстительного врага, то пусть тот торжественный обряд, который мы совершим под сенью ваших знамен, убедит вас превыше всех сомнений, что в самом Майнце заложена достаточно важная причина, чтобы воспламенить вас к великим жертвам, и что не в одних лишь интересах Франции вы тысячекратно подвергали свои драгоценные дни опасности за ваших сограждан.

О, если нечистое дыхание низменных приспешников деспотизма еще осмелится коснуться здесь вершины дерева свободы, поверьте, это дыхание слишком слабо, чтобы сломить хоть одну ветку, и почтенный ствол, укоренившийся достаточно крепко, выстоит против усилия смутьянов! Нет, Германия населена не одними лишь чудовищами, рабство не настолько ожесточило сердца, чтобы немцы не презирали варварское предательство Франкфурта. При этом ужасном известии всеми прежде всего овладело общее чувство негодования, жажда мести уже вспыхнула в душе всех друзей свободы; ничто не сведет их со стези чести и добродетели. Если бы среди нас еще оказались предатели, их узнают, и добрые граждане будут следить за ними, их мерзкие связи будут раскрыты, и меч правосудия повиснет над их головой, готовый поразить их по первому знаку. Если фанатизм отважится выступить, друзья свободы, истины, права, добродетели первые пойдут против опасности, и руки, державшие оружие, сокрушат трусливых убийц, действующих из-за угла. Нет, республиканские воины, апостолы свободы, жители Майнца никогда не отплатят

неблагодарностью за ваши благодеяния! Подарите их своим доверием и объединитесь с ними в этот миг, когда начинается новая эпоха в их истории.

Граждане, члены различных законодательных корпораций, временно учрежденных Французской республикой! Преступлением было бы, если бы мы усомнились в передаче государственных дел, которой свободные мужи Майнца по праву будут ожидать с вашей стороны, как только они избавятся от благоговения перед старым феодальным строем, чья власть была так пагубна для человеческого рода. Из опыта, не допускающего никакого сомнения, вы знаете, что закон и законная власть не имеют более усердных защитников, чем друзья свободы и равенства. Вы знаете также: эти люди, объединившиеся в клятве жить свободными или умереть, признают мудрость и заботливость Французской республики, временно вверившей вам управление нашей областью, дабы предотвратить бедствия, неизбежные как следствие анархии. Но вы увидите, не отстраняясь от участия в общих увеселениях, что свободные люди, поклявшиеся повиноваться вам, пока народные выборы не сместят вас, что свободные люди, олицетворяющие собой часть суверенитета Майнца, сегодня поднимут знак своего освобождения и актом своей неограниченной воли потребуют себе назад права, данные природой в наследие всему человеческому роду.

Французские граждане, законодатели, воины, администраторы, граждане и гражданки Майнца, граждане окрестных мест, братья и друзья свободы и равенства, я приглашаю вас умножить своим присутствием величие этого возвышенного праздника. Пусть раздастся воинственная музыка, пусть пение республиканцев огласит воздух, и пусть трепещут тираны за Рейном, услышав, что жители Майнца свободны!

Георг Фюрстер ПОЛИТИЧЕСКИЕ
РЕЧЬ В МАЙНЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНВЕН
ВЫСТУПЛЕНИЯ ТЕ

© Vive Liberta и Век Просвещения 2001 Произнесена 21 марта 1793 года

Сограждане!

Чем шире полномочия, в силу которых мы представляем здесь наших братьев, тем важнее и серьезнее наш долг. Судьбы всей этой местности вверены нам, и от тех решений, которые мы здесь примем, зависит счастье многих тысяч людей, с полным доверием вложивших в наши руки свои лучшие надежды. «Идите, - сказали они нам, - и решайте от нашего имени, что отныне должно быть законом в наших селах и городах. Вас мы выбираем по внушению нашего сердца; оно говорит нам, что вы не обманете наших ожиданий. Ваша совесть подскажет вам путь, по которому вам надлежит идти. Одно лишь условие можем мы предъявить вам как путеводную нить: священную, нерушимую клятву верности народу и его свободе. Все, что включает в себя эта клятва, все то будущее счастье, которое можно обосновать на вечных, незыблемых устоях равенства для нас и наших детей, мы предоставляем вашему разуму и вашей честности. Будьте благословенны, братья и отцы народа, если вы зложите основы его истинного, постоянного счастья и дадите ему такой государственный строй, под благодетельным влиянием которого человечество покажет себя в своем богоподобном величии и достигнет нравственного и разумного совершенства. Но да низвергнет вас в ад проклятие нынешних и грядущих поколений, если, забыв о своем священном долге, вы станете предателями ваших братьев и не распознаете или упустите тот великий миг, когда по воле непостижимого рока будет решаться благо и спасение народов!»

Так дух немецкого народа, пославшего нас сюда, говорит с нами, его представителями. О, прислушаемся к этим великим, потрясающим словам: представители свободного немецкого народа! Именем бесконечно оскорбленного, обманом лишенного своих прав населения стоим мы здесь! В течение двенадцати веков и долее связывали нас недостойные цепи, и каждое новое поколение наших тиранов умножало их гнетущую тяжесть, туже затягивало их на наших членах, больше крови выжимало из раненного тела и ниже пригибало к земле подобие божье, превращая его в обесчещенный образ раба. Свободны были наши предки. Древний мир признавал их свободнейшим народом под солнцем, и слава их свободы сохранилась неприкосновенной в памяти человеческого рода. Как звери в своем лесу, бились они с львиной храбростью за независимость и священные права человеческой природы; легионы покорителей мира пали во прах от их непреоборимой руки. Ибо сыны Германии были свободнее Вара и его римлян. Однако высокомерие силы и

излишество наслаждений преобразили героев в разбойников, разбойников - в могучих князей и властителей. Победенные племена склонились перед диким ловцом людей, стали в мирной покорности обрабатывать его поле. Хитрые сластолюбцы воспользовались новой религией, проповедовавшей послушание, терпение, неприличное воинам смирение и отказ от настоящего ради подкрепленных лишь туманными заверениями надежд на будущее, - чтобы завладеть властью и собственностью. Так масса была поработана немногими; так сильнейшему удалось присвоить себе права своих ближних; так священник удерживал своих невежественных, левоверных братьев в лабиринте предрассудков.

Предвечный судия рода человеческого! Справедливое провидение! Неужели народ так долго должен был искупать грехи своих супостатов? Неужели нельзя было сократить двенадцативековую кабалу хоть на несколько поколений? Тупыми и малодушными не могло не сделать народы бремя непрекращавшегося угнетения; божественная искра самостоятельных стремлений не могла не потухнуть в зачумленном воздухе тирании. Кто постигнет железные законы рока? Да, граждане и братья! Мне кажется, что злоупотребление властью должно было достигнуть своей высочайшей вершины, для того чтобы его можно было сокрушить и выкорчевать. Все свежее, все пышнее зеленеет дерево, у которого срезают лишь мелкие ветки, и все надменнее возвышала голову тирания при каждой слабой попытке лишить ее мелких щупальцев ее власти. Упрямство злодеев, коварство лицемеров, козни притеснителей народа обретали новую мощь от всякого сопротивления, и даже сами успехи человеческого разума обращались на то, чтобы заковывать нас во все более тяжелые цепи. Одновременно с внешней свободой эти душегубы отнимали у наших отцов и у нас и внутреннюю свободу, а с нею - цель и весь смысл нашего земного существования. Они отнимали у нас драгоценный дар природы - способность самим определять свои шаги по указаниям разума. Эту священную искру, неопровержимое доказательство нашего божественного происхождения, стремились они задушить в нас, как и чувство правды и красоты, а решения нашей свободной воли - направить в собственных целях. Они парализовали главную пружину всех нравственных побуждений и превратили мастерское творение природы, разумного, самостоятельного в своей деятельности человека, в слепое, безжизненное орудие их капризов и вожделений. Такова вина, накопившаяся на всех деспотах, на всех властителях и их мелких приспешниках за этот долгий срок. Миллионы людей не выполнили своего призвания, принужденные влачить ярмо рабства. «Мечь! Мечь!» - так вопиют уже двенадцать веков все немецкие племена. Мечь убийцам наших душ! Мечь смертельным врагам человеческого - совершенствования!

Сограждане! Настал страшный день суда. Пробил последний час тирании. Ожесточение, слепая ярость и беспомощное напряжение последних сил - признаки отчаянной предсмертной борьбы, в которой гибнущее чудовище извивается у наших ног. Да, справедлив бог! Разум одержал полную победу. Обездоленное человечество вступает в неограниченное владение своими правами. Никакого договора, никакого примирения больше не будет между так долго терзаемым народом и его обремененными виною губителями!

Узнайте, друзья, различие между человеческими судами и божественным возмездием! Не против отдельных деспотов пылает подъятая десница господня. Мера несправедливости исполнилась. Чаша божьего гнева прольется на всю землю и смое тиранию до последних следов в бездну погибели и вечного забвения. Давно уже приставлен топор к ядовитому стволу самовластья.

Узнайте, друзья, что начинается новый раздел в истории нашего рода, узнайте, что эпоха освобождения человечества не менее значительна, чем та, от которой тысячу, восемьсот лет назад началось новое летоисчисление!

Представители свободного немецкого народа! Миру, который наблюдает за вами и будет судить вас, вы уже дали доказательство того, что вы способны вознестись на полную высоту ваших задач, на высоту вашего достоинства. Одним мощным ударом вы повергли на землю всю тиранию прирейнского немецкого народа и на освобожденном берегу Рейна водрузили знамя народного суверенитета.

Мужи, первый шаг сделан; но за ним должен последовать второй, или то, что вы совершили, потомство презрит, как пустую комедию, как детскую затею. Вы представляете свободу ваших сограждан. Прекрасно, вручите же им сегодня непроницаемый щит, который своей сенью обеспечит им наслаждение свободой. Оглянитесь вокруг: вашей юной свободе угрожают миллионы деспотов. Они стоят по ту сторону, в железных доспехах, а по эту

сторону их орды рвутся через горные долины к вашим мирным плодородным полям. Где та рать, которую вы противопоставите врагу, где те сокровища, которые поглощает война, где то мужество, которое преодолевает все препятствия и предпочитает броситься навстречу смерти, нежели увидеть могилу свободы? Разве численность вашего народа не незначительна? Разве долгий, расслабляющий гнет не подавил его духа? Разве князья и холопы князей не сожрали всего его достояния?

Вы указываете мне на смелые ряды ваших освободителей. Благородный народ франков поднялся с оружием в руках и простер свое охраняющее крыло над более слабыми, невоинственными народами, которых он вырвал у деспотизма. Я стою и дивлюсь вместе с вами. Я вижу, как свободные воины с беспримерным великодушием жертвуют своей жизнью за счастье чужих людей. Франки завоевывают немцам свободу! Я вижу, как они падают в гущу боя. Их молнии сокрушают орды княжеских холопов. Они берут штыки наперевес, они наступают.

Победа! И за победой новая победа! Испуганные враги молят о пощаде, и взвивается знамя вашей свободы!

Мужи! Доверенные немецкого народа! Хранители его лучших надежд! Заклинаю вас: взгляните через нынешний миг в будущее. Ненависть и гнев тиранов умирают лишь вместе с ними. Когда они залечат раны, когда они вновь отточат зазубренные мечи, настанет день, я вижу его, когда они отважатся на новую попытку растоптать ростки немецкой свободы. Внезапно и неожиданно обрушатся они тогда на ваши мирные селения, Ваши защитники далеко; враги свирепо убивают вас и ваших ни в чем неповинных подруг. Эти чудовища умерщвляют детей - порождение блаженнейших мгновений вашей жизни, - играющих у колен ваших старцев. Они убивают и почтенных старцев. Ваши хижины пожирает всеобщий пожар. Мусор и пепел обозначают то место, где свобода и невинность, где счастье и любовь некогда обитали с людьми!

Вы содрогаетесь перед этой жуткой картиной? О, так спасайте, спешно спасайте мудрым решением жизнь, счастье, свободу тех, кто вас послал сюда! Предохраните навек от всякого коварства и кровожадности врагов добрый народ, который не может защитить себя сам. Удержите ваших освободителей, ваших защитников в стране. Тесно примкните к ним, не выпускайте их и своих объятий, поклянитесь им в вечных узах братства и прямите такую же клятву от них. Произнесите великое, решающее слово: свободные немцы и свободны франки отныне единый, неразделимый народ!

Георг Фюрстер. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

СТАТЬИ из «ДРУГА НАРОДА»

Майнц, 14 января 1793 года

Вчера наш город отпраздновал свое освобождение. Правда, друзья свободы и равенства уже в первые дни после прибытия франков, в знак своей независимости, посадили дерево свободы. Однако теперь, когда вскоре предстоят народные выборы, новый символ свободы должен был заранее возвестить о суверенитете народа и публично засвидетельствовать, что народ вступил во владение своими правами.

В два часа пополудни генералитет и высшие должностные лица различных государственных учреждений собрались во дворце у комиссаров Национального конвента. Друзья свободы и равенства сошлись в театре и послали во дворец депутацию, чтобы пригласить находившиеся там франкские власти присоединиться к шествию. Как только они появились в общественном месте, назначенном для сбора, председатель встретил их краткой речью, после чего шествие, с пикетом впереди, сопровождаемое оркестрами нескольких франкских полков, двинулось между двумя шпалерами войск по главным улицам к Большой рыночной площади. Под грохот пушек и несмолкаемые восторженные клики, поддержанные бодрой мелодией «Ca ira» и священным, воодушевляющим гимном свободы марсельцев, подхваченным тысячами голосов, дерево свободы было посажено между двумя колоннами, украшенными пиками. Теперь шесть рабов, пригнанных под прикрытием вооруженных майнцских и франкских граждан, принесли один - корону и скипетр, другой - державу, третий - орденские кресты и другие детские знаки отличия, а остальные - кучу старых дворянских грамот и родословных. Светлое пламя запыхало над алтарем свободы. У рабов выхватили эти омерзительные эмблемы феодализма. Гражданин мэри и украшенные трехцветными шарфами члены муниципалитета бросили их в огонь, чтобы он пожрал их. После этого гражданин Гофман произнес речь перед собравшимся народом. Он объяснил разницу между знаком свободы и самим понятием. Он объяснил, что такое гражданская и политическая свобода, и доказал проникновенным языком правды, понятным народу, как неизмеримо много выиграл Майнц, заменив свободой прежний деспотизм. В оглушительном единодушном возгласе всего народа: «Да здравствует свобода! Да здравствует нация! Да здравствует республика» - слышалось не только одобрение, но и живое утверждение прав человечества и изъявление суверенной воли народа.

Теперь шествие направилось по другим улицам к красиво освещенному залу собраний друзей свободы и равенства, где зрители заполнили все ложи и эстраду. Был произнесен без подготовки ряд прочувствованных речей, воспламенивших общественный дух наших сограждан. Присутствовавшие гражданки, по предложению общества, доказали свою приверженность республике, сняв с себя украшавшие их волосы разноцветные ленты, чтобы увить ими поставленное в зале дерево свободы. Бал в танцевальном зале завершил этот прекрасный незабываемый день.

Майнц, 4 февраля 1793 года

Поступающие со всех сторон патриотические подарки в виде предметов одежды и транспорта, прибывающие к нам из контор военного министерства, теперь дают нашей армии возможность не только переносить неудобства суровой погоды (это она делала и до сих пор без столь необходимых защитных мер), но и радостно дожидаться, не опасаясь болезней, близкого начала нового похода. Эта забота о наших храбрых братьях по оружию радует нас тем более, что и до сих пор количество больных в таком многочисленном войске было относительно невелико и большинство недугов происходило только от простуд при ночных караулах в открытом поле. Мы пользуемся этим случаем, чтобы заверить наших читателей, что мы так же спокойно будем предоставлять здесь место и неприятным известиям, как мы сейчас опровергаем те беспочвенные слухи о нашем положении, которыми пытаются обманывать себя за Рейном. С недоумением прочли мы в газетах о том, что в Майнце будто бы казнен из-за подозрительной переписки священник, и мы с удовольствием можем сообщить читателям обратное такое преступление, конечно десятикратно достойное презрения и наказания, когда оно совершается учителем религии, до сих пор не было вменено в вину ни одному духовному лицу. Так же не имеют ничего общего с истиной и лишены даже тени основания сказки о том, что мы терпим голод и что генерал Кюстин якобы приказал такому-то числу жителей покинуть город. Правда, несколько времени назад ряд сомнительных лиц ушел отсюда в Оберэрцский монастырь, так как они больше не могли, ввиду строгого надзора, надеяться на безнаказанное продолжение своей незаконной переписки с врагом. Правда, мы, вероятно, еще увидим, как подобный сброд постепенно будет покидать город, и его удаление, бесспорно, будет способствовать покою и мирному существованию доброго гражданина, а попутно - и сбережению наших запасов. Впрочем, если надежды врагов не имеют большего основания, чем те нехватки, про которые они сочиняют, то им при первых предстоящих столкновениях было бы гораздо полезнее рассчитывать на большие трудности, чем скрывать от себя действительно существующие. Наш муниципалитет так хорошо обеспечил город провиантом, что в настоящее время не только цены съестных припасов лишь немногим превышают обычные зимние цены, но и впредь, даже в случае прекращения подвоза, на этот год не приходится опасаться недостатка пищи. Поскольку там высший закон - воля государей, а здесь - благо отечества, нам надо теперь выждать, какой успех будет иметь легкомысленное решение врагов выставить после первой неудачной попытки сотни тысяч своих подданных против сынов свободы. Мы знаем, однако, что путь к Майнцу может проложить врагам только победоносная битва, что наши укрепления разрушить не легче, чем укрепления Рисселя и Тионвиля, и что как низко ни оценивали бы император и король своих солдат, их все же должна испугать мысль заполнить своими воинами наши рвы, чтобы войти в город по их трупам. Правда, Очаков был взят именно так, ценою жизни десяти тысяч русских, но все же наш враг, надо полагать, сам знает, что должен ожидать здесь не такого огня, как турецкий, даже если он забыл, на что способны свобода и любовь к отечеству в груди франка. Перед лицом врага свободный человек знает один долг: враг предупрежден, да падет рок на его голову!

Майнц, 7 февраля 1793 года

По некоторым поступающим извне сведениям, рейхстаг будто бы принял или в ближайшее время примет решение, в силу которого все жители ранее принадлежавшей к немецкому государству страны, снова присвоившие себе человеческие права и утверждающие свою независимость, будут объявлены вне закона. Хотя и трудно поверить, чтобы немецкие государи пожелали в 1793 году искать спасения в мероприятии, излишнем, если у них достаточно силы, чтобы отогнать франков от Рейна, и смешном, когда вся их поддержка - в крепкой на бумаге, но на поле брани хромающей на обе ноги имперской армии, все же мы не можем скрыть желания, чтобы этот шаг был действительно предпринят, так как он вполне достоин всех предшествующих и выставляет в истинном свете те средства борьбы, которые подсказывает нашим врагам их разум. Мы охотно уступим им всякого малодушного труса, которого испугают слова, притом слова столь пустые, и заметим лишь, как мало в них доверия к своим собственным силам, к своим штыкам и пушкам, если угрозами они надеются достигнуть большего. Париж угрожали разрушить, если тирану Людовику будет причинена малейшая обида, а между тем с тех пор имели место события 20 июня, 10 августа и 21 сентября! Угрожали новыми войнами, если виновная голова Людовика падет жертвой правосудия, и все же голова Людовика пала! Объявлением вне закона угрожают тем, кто принес клятву свободы, но скоро поклянется целая страна! Кто хочет судить эту борьбу властолюбия со свободой, насилия над совестью - с разумом, низких, неблагородных страстей зависти, корысти, ненависти, ярости - с любовью к отечеству, братской верностью, самоотречением, геройством, эту борьбу лжи с истиной, пусть сравнит употребляемые обеими сторонами средства и то действие, которое они до сих пор имели. Угрозы, сеяние смуты, коварство, тайные козни, распространение листов, соглашения с предателями, поддержанные чудовищными армиями, - что все это дало? От всех их великих успехов не осталось и следа, за исключением захвата Франкфурта. То, что мы, франки, без этих мелких уловок свершили в открытой обороне и с сознанием правоты нашего дела, пусть само говорит за себя.

Майнц, 23 февраля 1793 года

Вся армия майнцкого духовенства, ряд членов прежнего купеческого цеха, еще оставшиеся здесь отдельные слуги бывшего курфюрста, среди которых особенно отличились заседатели временно сохраненного городского суда, - все они едва могли сдерживать свою аристократическую радость по поводу того, что им удалось своими хитрыми, угодническими заявлениями и ценой крайнего напряжения своего красноречия склонить гражданина генерала Вимпфена и комиссаров исполнительной власти к отсрочке предвыборных собраний. Несколько попов, принеших эту высокорадостную для каждого аристократа весть в здание городского суда, были осыпаны изъявлениями благодарности, и на них смотрели как на посланцев неба. Но вдруг сцена изменилась, и слова комиссаров Национального конвента явились самым неожиданным ударом для этих верных холопов нашего бывшего духовного султана, которые уже кое-где громко болтали о том, что теперь «после достигнутой отсрочки дело выиграно». Правда, они не пренебрегали никакими средствами, чтобы изменить волю комиссаров Национального конвента; но твердым и непоколебимым, как и подобает истым республиканцам, остается их решение, и неизменен срок народных выборов, которые должны состояться без промедления вслед за закрытием сессии Национального конвента. Скоро гражданин Майнца, добрый душою, податливый, ясно почувствует, как сильно шайка людей, руководимых личными интересами и предпочитающих звон рабских цепей радостям свободы, злоупотребила его добротой, когда пыталась безмозглыми выдумками морочить народ, навязывая ему заботу о сохранении милости роскошествующего и расслабленного всеми видами излишеств пастыря, слишком бессильного, чтобы по долгу и совести оборонять страну и город; эту милость они хотели поставить превыше дружбы и братских уз, объединяющих нас с нацией из двадцати пяти миллионов человек, которая обладает достаточной силой и мощью, чтобы опрокидывать троны, как карточные домики, достаточной внутренней силой, чтобы сорвать авантюристические планы вступивших в союз против нее держав.

© Vive Liberta и Век Просвещения 2007

Сорвите повязку с глаз, поймите как следует свои истинные выгоды и отвергните с презрением те небылицы, которыми из корысти, из одностороннего честолюбия, из алчности, всегда свойственных попам, торговцам и наемникам духовного князя, старается затуманить ваше сознание этот класс людей, заботящихся только о своем кошельке, о своих интересах и пренебрегающих благом народа. Очнитесь от вашей дремоты, исполнитесь мужества, прилично свободным немецким мужам, братьям и друзьям франков! Кто, малодушный, даст запугать себя пустыми словами объявления вне закона!? Укажите в нашу эпоху хоть один пример, когда бы такое постановление повредило человеку, которого оно коснулось. А с другой стороны, если император грозит подобным наказанием тем, кто вступает на службу франков, не будет ли вполне естественно, если нация франков прибегнет к встречным репрессиям и, со своей стороны, станет считать врагами тех, кто откажется присягнуть свободе и равенству? Воля суверенного франкского народа с полным правом может потребовать для себя то, на что неправомерно, как тираны, притязают так называемые государи, чьи предки похитили у народов их величайшее благо - свободу и суверенную волю.

ТОРГОВЛЯ ЗЕМЛЯМИ

Майнц, 12 марта 1793 года

Что большие господа смотрят на людей как на вещи, которыми они могут распоряжаться как угодно и которые представляют их собственность, и что поэтому франки .Уисколько не преувеличивают, называя подданных этих больших господ рабами, этого не может отрицать ни один Человек, внимательно присматривающийся к истории твоего времени. Ландграф Гессенский всегда держал свою армию в полном составе, как купец - свои товарные склады. Для подавления свободы американцев, которая его нисколько не касалась, он, как и его предшественники, лишал семьи кормильцев, а страну - земледельцев. Даже Ганновер купил у герцога Готского два ярлка; даже Ганновер занимался мерзким делом выдачи ссуд под залог людей; сколько народа в различных мелких владениях пошло Ганноверу в залог! Кому не известно, что архиепископ Майнцский хотел заложить Гессену Фрицлар и Эйксфельд? Теперь до нас опять дошло известие о меновой сделке между Австрией и Пруссией: первый берет себе Баварию, вторая - Брабант. Будем надеяться, придет время, когда народы покажут ? тиранам, что те писали счет без хозяина. И при таких Г обстоятельствах человек еще может колебаться, присягать ли ему на верность народу, который не может ни продать, ни заложить, ни подарить его, ибо каждый присягающий народу сам становится частицей народа, ибо каждый, кто клянется именем равенства и свободы, как это сделал весь народ, сам больше не может продавать, закладывать или дарить ни других, ни самого себя!

Георг Форстер. ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ

© Vive Liberta и Век Просвещения 2007

Майнц, 16 марта

Завтра в восемь часов утра прибывшие из всех частей страны по ею сторону Рейна от Ландау до Мозеля депутаты свободных немецких общин объединятся в немецкий Национальный конвент и начнут, именем своих сограждан, осуществлять суверенные права народа, законодательную власть, назначат исполнительную власть и учредят временное общее, верховное управление страной. Впервые за тысячелетие солнце взойдет над свободным немецким народным собранием, которому вверена судьба многих тысяч людей, освобожденных от ига тиранов. Сограждане, этот день - священнейший в нашей жизни, ибо целые нации ждали и не увидели его. Сорок поколений сошло в могилу одно за другим, прозябая под гнетом и в страданиях, недостойных человечества, прежде чем настал великий день освобождения. Рука злодеев, лишивших своих братьев их прав и тем медленно убивавших их души, тяжко пригнетала гений немецкой свободы. Но взгляните: огненный жезл франков коснулся этой руки, и она отсохла навеки. Светлый и величавый, стоит перед нами гений немецкой свободы. С юношеской силой встряхивает он крылами и гневно обводит взором врагов, стоящих вокруг. Слеза сострадания наполняет его очи, когда они блуждают по запустелым пажитям за нашей рекой, где ярость деспотов еще скалит зубы и грозит новыми цепями. «Мир!» - навевает пальмовая ветка в его руке тем ослепленным, что выступают с оружием за свое рабство и рабство своих братьев. «Мир или уничтожение примите из рук судьбы, в раскрытой книге которой невооруженно отмечен смертный день королей. Их скипетры разломаны, короны падают с их голов, их троны рушатся. Болезни, изгнавшие их с равнин Франции, снова, как ангелы-мстители божьи, поражают их войска и косят рабов вместе с надсмотрщиками, и так будет, пока не исполнится мера жертвы, которая примирит Свободу. Лишения и гибель витают вокруг несчастных, они дрожат, когда при них называют Шалон и Майнц, и настает время, когда они будут взывать к горам, чтобы те прикрыли их!» Слава дню, когда занимается заря немецкой свободы, слава народам и позор тиранам!

К веб-публикации подготовлено по изданию «Немецкие демократы XVIII века» (М., 1956) Люсиль, Оксаной и Алексеем Сомовыми для сайтов **Vive Liberta** и **Век Просвещения** © 2007